

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2012

№ 2

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 81'25(075.8)

О.В. Нестеренко

ФЕНОМЕН «НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

Основываясь на истории и теории практики перевода Л. Венути, исходящего из бинарности оппозиции двух стратегий: domestication и foreignization, автор статьи обращается к концептуальным изменениям в современной теории перевода, которая складывается под влиянием идей постмодернизма, психоанализа, постструктурализма, и осмысливает проблемы «насильственного» перевода на материале англоязычных переводов поэмы Гоголя «Мертвые души».

Ключевые слова: «доместикация», «форенизация», «насильственный перевод», Н.В. Гоголь, «Мертвые души».

В книге «Переводчик как невидимка» (1995) Л. Венути излагает историю теории и практики перевода в Англии и Америке с точки зрения соотношения двух стратегий, которые он называет domestication и foreignization [1]. На текущий момент у этих терминов не существует общепринятых русскоязычных эквивалентов, вследствие чего понятия, введенные Венути, зачастую не переводятся либо калькируются как «доместикация» и «форенизация». Последовательная реализация первой стратегии приводит к тому, что результирующей текст воспринимается как изначально созданный в условиях принимающей культуры. Перевод читается так же легко, как произведение, написанное соотечественником и современником читателя. И наоборот, при «фореникации» переводчик сознательно нарушает лингвистические и культурные нормы языка перевода с целью сохранить «чуждость» оригинала.

Выбирая ту или иную стратегию, переводчик, согласно Венути, либо становится агентом этноцентричной агрессии, колониальной политики по отношению к чужой культуре, либо бросает вызов собственной культуре, десхематизируя ее язык. Сам Венути защищает принципы «фореникации»: родная для него англоязычная культура с ее фундаментальным прагматизмом всегда была ориентирована на «доместикацию» иноязычных текстов. Кроме того, по мысли теоре-

тика, «форенизация» служит сдерживающим фактором, противовесом по отношению к акту экспроприации, присвоения, которым перевод является по своей сути.

Проблематика «столкновения цивилизаций», акцентируемая Венути при помощи данных категорий, соответствует его пониманию процесса перевода.

Согласно Венути, перевод с одного языка на другой происходит на трех уровнях: перевод осуществляется, во-первых, с одного языка на другой; во-вторых, из одной эпохи в другую; в-третьих, из одной культуры в другую. Таким образом, современный англоязычный переводчик русской классики не просто создаст текст по законам английского языка, но в случае «доместикации» модернизирует его и трансформирует исходя из требований динамической эквивалентности (термин Ю. Найды) [2].

Рассмотренные категории, как их понимал Венути, обладают наибольшей ценностью для описания истории и географии перевода. Например, опыт англоязычной переводческой традиции можно обобщить под знаком «доместикации», а Германию XIX в. или Францию 70-х гг. XX в. характеризуют принципы «форенизации». Однако в обобщающем потенциале категорий Венути кроется и их методологическая уязвимость. Анализ конкретных переводных текстов показывает, что оппозиция двух стратегий не является бинарной. Одни аспекты оригинального текста могут подвергаться доместикации, тогда как другие – форенизации, за счет чего достигается компромисс между эквивалентностью и приемлемостью.

Кроме того, теория Венути не игнорирует, но в силу своей идеологии оказывается недостаточно чуткой к ряду концептуальных изменений в современной теории перевода, которая складывается под влиянием идей постмодернизма, психоанализа, постструктурализма. В центр внимания такого «постмодернистского» переводоведения попадают аномалии художественной формы и языковой эксперимент.

В качестве иллюстрации этих изменений рассмотрим некоторые фрагменты из перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», сделанного Р. Пивером и Ларисой Волохонски в 1996 г. [3].

Обращение этого переводческого тандема к поэме Гоголя, а до этого – к текстам Толстого и Достоевского сигнализирует об отходе переводчиков от установок на баланс между форенизацией и доме-

стикацией. Пивер и Волохонски пытались создать такие переводы, которые ценой отклонения от норм литературного английского передавали бы не только и не столько особенности русского языка, сколько особенности индивидуального словоупотребления конкретного автора [4. Р. IV]. Если форенизация означает отказ от приведения оригинального текста в соответствие с нормами языка перевода, то метод Пивера и Волохонски позволяет преодолеть переводческий страх, что «неровности» языка оригинала, сохраненные в переводе, будут отнесены на счет некомпетентности переводчика. В «Мертвых душах» Гоголь дважды использует словосочетание «носые ноздри» [5. С. 35–47]. Художественный эффект этой фразы, если о нем вообще можно говорить, неочевиден. В абсолютном большинстве переводов это словосочетание переводится как «nostrils», т.е. просто «ноздри». Пивер и Волохонски дают вариант «nostrils of the nose» [3. Р. 37, 51]. Кроме них, версия «nostrils of the nose» появляется только в переводе Г. Герни, чья работа 1942 г. [6. Р. 29] во многом, как нам кажется, предвосхищает теоретические установки Пивера и Волохонски. В их концепции поэтика перевода должна в той же мере остраивать (нарушать) условный «нормативный» язык, в какой это делает поэтика оригинала.

Вот еще пример странного словоупотребления у Гоголя. В эпизоде переговоров между Чичиковым и Плюшкиным последний «<...> произвел небольшое молчание <...>» [5. С. 124]. Только гоголевский герой может произвести молчание: производство предполагает наличие какого-либо звука, а молчание – это, по определению, его отсутствие. Поэтому, например, Грэм в 1915 г. предлагал «странной» гоголевской фразе стилистически нейтральную альтернативу: «За этим последовало короткое молчание» (Here a brief silence ensued) [7. Р. 105]. В этом случае в переводе Пивера и Волохонски сохраняется «остранение», выраженное некорректной для переводящего языка конструкцией: «Here he produced a small silence <...>» [3. Р. 140].

Перед нами не форенизация как стратегия сохранения при переводе маркеров иной этнокультурной идентичности. Переводческие решения Пивера и Волохонски (и частично Герни), скорее, можно обозначить термином «остранение» в том смысле, в котором его употреблял В.Б. Шкловский. Переводчики сохраняют своеобразный язык Гоголя, воспринимая который, даже русскоязычные читатели могут чувствовать себя иностранцами (или считать таковым автора).

В этом значении «остранение» синонимично английским терминам «defamiliarization» (им пользуются переводчики работ Шкловского) и «abusive translation», что можно перевести как «агрессивный» или «насильственный» перевод (термин ввел в употребление Филип Льюис, переводчик работ Ж. Деррида). Речь идет о «насилии» над читателем перевода, нарушении языковых конвенций, узуса, которое может даже превосходить то «насилие» со стороны автора, которому подвергаются читатели оригинала [8. P. 8]. Сам Шкловский говорит об «уродовании», «разламывании», «коверкании» слова

Концепция Пивера и Волохонски предполагает корректировку модели перевода, с помощью которой Лоуренс Венути объяснял сущность доместикации и форенизации. В ней, как уже было сказано, три уровня. Остранение как насилие над читателем происходит на четвертом уровне: уровне идиолекта. Остранение на этом уровне означает «гоголизацию» текста перевода.

Англоязычное понятие «defamiliarization», соответствующее русскоязычному «остранение», обладает бóльшим объемом, чем «форенизация». Поэтому далее для обозначения соответствующей стратегии на всех уровнях мы будем пользоваться понятием «остранение». Тогда противоположную стратегию можно назвать «натурализацией», поскольку это понятие означает и «одомашнивание» и «придание естественности». По аналогии с тем, как реальные переводчики придерживаются золотой середины между форенизацией и доместикацией, отметим, что ряд переводов можно квалифицировать как одновременно натурализующие и острающие. Это относится, например, к уже упоминавшейся версии Герни. Анализ этого перевода, основанный на трехуровневой модели, позволяет признать его натурализующим. Однако на уровне идиолекта имеет место отчетливая тенденция к «гоголизации» английского языка.

Итак, перевод Пивера и Волохонски, так же как и работу Герни, отличает скрупулезность в передаче «странных» гоголевских фраз, что позволяет сблизить их как сторонников так называемого «насильственного перевода». Рассмотрим выражение «<...> интересующийся знать о всех подробностях проезжающего» [5. С. 8] (о соседе Чичикова в гостинице): по-гоголевски остраенная формулировка фразы «интересующийся подробностями» эквивалентно переведена и у Герни («<...> interested in knowing all the details about the

latest transient») [6. P. 2], и у Пивера и Волохонски («<...> interested in knowing every little detail about the traveler») [3. P. 6].

Однако Герни нередко натурализует Гоголя. Например, фраза «препорядочная посторонняя капля» [5. С. 31] у Герни была переведена как «изрядная капля инородного вещества» («considerable drop of foreign matter») [6. P. 25]. В принципе гоголевское словосочетание «посторонняя капля» по-английски вообще звучит не так странно, как по-русски: английский язык более свободно, чем русский, сочетает отдаленные признаки (т.е. связанные только метонимически). Тем не менее Герни разоблачает метонимическую связь, уточняя, что определение «посторонний/инородный» относится, на самом деле, не к «капле», а к «веществу», которое, в свою очередь, определяет существительное «капля». Но Пивер и Волохонски в данном случае сохраняют остранение («rather sizable extraneous drop») [3. P. 32].

Наконец, остранение содержится в гоголевской фразе «В post-scriptum было только прибавлено, что его [Чичикова] собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал» [5. С. 161]. Окациональным здесь является употребление слова «оригинал» в значении «автор текста». Здесь снова Герни заменил гоголевского «оригинала» на «писательницу» (writer) [6. P. 157]. Аналогично поступил и К. Инглиш в 1998 г., вместо «оригинал» написав «дама» (lady) [9. P. 162]. Только в переводе Пивера и Волохонски можно найти эквивалентный остраненный перевод: «the original would be present in person» [3. P. 183].

Вот еще одна характерная для Гоголя фраза: «В продолжение всей болтовни Ноздрева Чичиков протирал несколько раз себе глаза, желая увериться, не во сне ли он все это слышит» [3. С. 214–215]. Странность этой фразы неочевидна и была замечена впервые Бернардом Герни, что и позволило ему предложить в данном случае эквивалентный вариант перевода («All the time that Nozdrev was chattering away Chichikov had kept rubbing his eyes, wishing to make sure whether he were hearing all this in a dream or in reality») [6. P. 214]. Здесь герой, желая верифицировать слуховую информацию, воздействует на орган, отвечающий за зрение. Чичиков, вероятно, единственный литературный герой, который трет глаза не с тем, чтобы проверить, хорошо ли он видит, а с тем, чтобы убедиться, не ослышался ли он.

Эквивалентный перевод этой фразы также предложили Пивер и Волохонски («In the course of all Nozdryov's babble, Chichikov rubbed his eyes several times, wanting to be sure he was not hearing it all in a dream») [3. P. 221]. Для сравнения рассмотрим версию Инглиша, который сглаживает парадоксальность гоголевской формулировки: «В продолжение болтовни Ноздрева Чичиков несколько раз протирает глаза, чтобы удостовериться, что ему это не снится» («Throughout Nozdryov's blather Chichikov repeatedly rubbed his eyes, to make quite sure that he was not dreaming») [9. P. 219].

Из тринадцати существующих на сегодняшний день переводов поэмы Гоголя только в двух рассмотренных нами работах можно идентифицировать элементы насильственного перевода. Герни и Пивер и Волохонски создали прецедент, но не традицию.

Так, в работах К. Инглиша и Р. Магуайра, созданных в 1998 и 2004 гг., нет следов идиолектного остранения, граничащего с языковым экспериментом. Это особенно интересно в свете того, что Р. Магуайр является профессиональным литературоведом, который, в частности, утверждал, что в поэме Гоголя нет ни одного лишнего слова [10. P. XII]. Однако из его перевода устраняются такие идиолектные фразы, как, например, «подмигнул бровью и губами» [3. С. 161], которые заменяются на «подергивание бровей и губ» («twitching his eyebrows and his lips») [10. P. 182]. Пивер и Волохонски перевели эту фразу эквивалентно («winked with his eyebrows and lips») [3. P. 183].

Представляется, что переводчик-литературовед приводит свой текст в соответствие не столько с оригиналом, сколько с общепринятым представлением об оригинале. Иными словами, в тексте перевода сохраняются только те аспекты оригинального произведения, которые универсально признаются как художественно ценные. Рассмотрим типологически сходные гоголевских плеоназмов: «русские мужики» и «носовые ноздри». В обоих случаях существительное сопровождается по видимости немотивированным эпитетом. Однако в первом случае гоголеведы усмотрели художественный прием (моделирование остраненной точки зрения) [11. Т. 2. С. 139], тогда как второй приведенный пример избежал какой-либо интерпретации. Магуайр закономерно сохраняет в переводе «русских мужиков», но исключает «носовые ноздри».

В этом смысле переводчики, не являющиеся литературоведами (насколько это возможно), руководствуются иными семиотическими принципами: для них художественный текст не обязательно подлежит тотальному объяснению – так называемые «темные места» и в переводе остаются «темными». Можно сказать, что такой «насильственный» перевод – это перевод без интерпретации, акт рецепции без апперцепции.

Следует ли стремиться к созданию насильственных переводов? В случае таких авторов, как Андрей Платонов или Джеймс Джойс, утвердительный ответ не вызывает сомнения, поскольку языковой эксперимент – это важный аспект их художественной физиономии. Однако переводчики Гоголя или, например, Фолкнера имеют дело с авторами, за которыми закрепились репутация «классиков» и «гуманистов». Должны ли в произведениях классиков быть места, избежавшие интерпретации или вообще ей не поддающиеся? Согласно Венути на протяжении всей истории переводчики делали этический выбор между своей и чужой культурами. Перед современными переводчиками стоит еще один выбор, вероятно, тоже этический: быть или не быть верным языковой личности конкретного автора – с ее стилистическими особенностями?

Литература

1. *Venuti L.* Translator's Invisibility: A History of Translation. New York: Routledge, 1995. 353 p.
2. *Nida E.* Toward a science of translating. Leiden : E. J.Brill, 1964. 331 p.
3. *Gogol N.* Dead Souls / Transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. New York; London : Everyman's Library, 1996. 443 p.
4. *Pevear R.* Being True to the Russian Master // The Times Higher Education Supplement. December 15, 2000.
5. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: АН СССР. 1937–1952. Т. 6.
6. *Gogol N.* Dead Souls. Transl / by B.G. Guerny; ed. by. S. Fusso. New Haven; London: Yale Press University, 1996.
7. *Gogol N.* Dead Souls. Transl. by S. Graham. London: T. Fisher Unwin, 1915.
8. *May R.* The Translator in the Text : on reading Russian literature in English. Evanston, 1994.
9. *Gogol N.* Dead Souls Transl. by C. English. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998.
10. *Gogol N.* Dead Souls. Transl / by R.A. Maguire. New York; London: Penguin Books, 2004.
11. *Венгеров С.А.* Собрание сочинений : в 4 т. СПб., 1911–1913.